

Ольга Боочи

Баба Яга В тылу врага

рассказы
из двух
сборников

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Боочи

Баба Яга в тылу врага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63682576

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-99031-9

Аннотация

В книгу вошли рассказы из сборников «Баба Яга в тылу врага» и «День перед возвращением», а также ранее не публиковавшийся рассказ «Мария бремени»: истории об очень молодых людях и о том неустойчивом времени, когда человек только начинает жить. Подростки, неожиданно узнающие, что станут родителями; сестра милосердия, вдруг понимающая, что между неизлечимо больными детьми, её подопечными, и ею самой не такая уж большая разница; девочка, одиноко играющая в заснеженном дворе; пара автостопщиков, садящиеся в странный Камаз, едущий на Восток... Распад семьи и последний вечер перед возвращением в город детства. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1 Из сборника «Баба Яга в тылу врага»	4
Пролог Археоптерикс танцующий	4
Книга джунглей для Кати	7
Баба Яга в тылу врага	13
Необязательный улов	22
Однолётки	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Боочи

Баба Яга в тылу врага

Часть 1 Из сборника «Баба Яга в тылу врага»

Пролог Археоптерикс танцующий

Что бы я изменил в своей жизни? Ну, наверное, сегодня утром не послал бы нашу психологичку куда подальше, а, как все, сделал бы вид, что жутко раскаиваюсь. Тогда не пришлось бы писать для нее вот эту маразматическую слюнявую дребедень.

А еще лучше начну с прошлой пятницы. Наверное, не стоило так издеваться над Жирным: наших родителей вызвали в школу, и его мамаша верещала как резаная. А у самого Жирдя был такой жалкий вид, что хотелось его ещё раз двинуть. Хуже всего то, что у меня это его лицо теперь из головы не идёт.

Но надежнее всего начать с рождения. А ещё лучше с того, что было до него.

Спрячусь-ка я за чью-нибудь пухлую, в ямочках (как у

всех мелких) спину, когда прилетит за мной мой аист. Такой, с костяным клювом и пустыми дырами вместо глаз: там, где вопят в капусте ещё не рождённые младенцы, по земле всё время плывут тени от кружащих над ними аистов.

Взмахивая чёрными пуховыми крыльями, мой аист будет искать меня, чертя круги над необозримой поляной, но не найдет. И тогда подхватит и унесет кого-нибудь другого. Ведь там, на Земле, у моих предков всё уже случилось, и нет времени искать меня слишком долго.

Аист превратится в точку и исчезнет вдали, а я ухмыльнусь беззубым ротиком и буду караулить следующего перевозчика на тот или этот – это с какой стороны смотреть – свет. Может, повезет больше – и мне, и предкам.

Тут конечно есть элемент риска. Это как с товарняками – никогда не знаешь, куда катится наглухо закупоренный состав, к которому ты прицепился. Схватишь за длинные жесткие ноги не того аиста и очнешься в красном душном животе, в желтоватой околоплодной жидкости, как на картинках по кретинскому половому воспитанию. А через неделю та тётка, которой ты достался, узнает наконец о тебе и ужаснётся. И со всеми этими ещё не раскрывшимися лёгкими, с несформированными органами слуха и зрения, ты на краткий миг столкнёшься с ярким и жёстким белым светом. Он полоснет тебя как ножом, и ты тут же вернёшься обратно.

Вероятно, для тех, кто возвращается, есть другие поляны. Наверняка, их специально отселяют, – поговаривали у нас, –

чтобы мы не узнали, как ТАМ: потому что если бы узнали, никто не захотел бы родиться. Но, сто пудов, мало кто в это верил всерьёз, все как-то надеялись на лучшее и потому добросовестно кричали, привлекая внимание аистов.

Может быть, и не зря кричали. Многим всё-таки везет, хотя это явление относительное. Во всяком случае, мне повезло больше, чем Жирдюю, которого все чморят.

Что касается аистов, то один незадачливый аист даже есть в учебнике по биологии. Он всегда там, кочует из учебника в учебник. Археоптерикс танцующий. Интересно, кому он носил младенцев, если на земле даже пещерных людей не было? Младенцы-то, небось, уже были. Просто ждали. Может этот аист и летал над землей, следя, не появились ли те, кому можно их отнести. Пока его кто-то не сшиб. Первые люди, наверное...

Перечитал. Блин. Психологиня осталась бы довольна. Тут и раскаяние, и грёбаная поэзия, и, наверняка, есть что разложить по Фрейду. Но не стоит так её баловать. Лучше скормить это другу-унитазу, а психологичке сдать чистый листок. Табула раса. Пусть радуется.

Книга джунглей для Кати

Мать никогда рано не возвращалась, а отец, напротив, почти всё время был дома. Но в конечном счете результат был один: по вечерам Катя была предоставлена сама себе.

Отец спал на диване перед орущим телевизором, рядом, как опрокинутые матрешки, валялись две пустые бутылки. Будь бутылка одна, Катя действовала бы осторожнее, но теперь отец вряд ли мог проснуться.

На всякий случай стараясь не шуметь, Катя стала одеваться. Она натянула рейтузы, сверху – джинсы и свитер, и тщательно заправила штанины в толстые носки. Справившись с молнией куртки, она нахлобучила шапку и потуже затянула под подбородком завязки капюшона.

Оставалось только надеть сапоги, и Катя, встав на коленки, вытащила их из-под шкафа. Сапоги были дырявые, но красивые. Катя полюбовалась ими немного и осталась довольна.

Подойдя к двери, Катя прислушалась, но на лестнице было тихо. Тогда она повернула ключ в замке и вышла на площадку. Резиновый коврик у соседской двери, где часто ждал её Бандит, сегодня пустовал. Косолапя в толстых рейтузах, Катя спустилась по лестнице. Днём она ни за что не вышла бы в них на улицу, но теперь, когда стемнело, двор был безлюден, и он снова стал её территорией.

С полудня, когда в воздухе стали кружиться первые снежинки, снегопад не прекращался ни на минуту, снег падал и падал, заметая чёрную землю, и теперь двор будто выбелило.

На снегу читались редкие следы прохожих; Катя осмотрелась и выделила из других отпечатки мужских тупоносых ботинок: грузная дичь стоила охоты настоящего волка! Катя сделала пару шагов вдоль следа, но остановилась в раздумье, заметив, что глубокие вмятины сильно припорошены. Человек прошел здесь давно и его, наверняка, уже не догнать.

Катя с сожалением оставила след и вскинула голову.

Это была хорошая ночь для охоты, не хватало только Бандита. Но у пса, видимо, были свои дела.

Внимательно глядя под ноги, Катя обошла маленький скверик со скамейками и на перекрестке, в свете фонарей, наткнулась на новый след. Этот был женский, с острыми пиками каблуков. Катя подняла голову и шумно втянула в себя воздух. Пахло лишь лёгким морозцем и снегом. Но ведь глаза-то у неё были.

Катя последний раз оглянулась в надежде увидеть Бандита и пошла по следу.

След бежал мимо общежития, мимо школы и дома, где жила одна из самых мерзких воображал в её классе, и уводил дальше, за дорогу, в чужие дворы. Дорогу уже развезло, и местами белая тропа терялась, но затем находилась снова. Порой Катя тоже переходила на бег, спеша настичь добычу раньше, чем та скроется в подъезде. Катя взмокла и запыха-

лась, волосы выбились у неё из-под шапки и лезли в глаза и рот.

И вдруг цепочка шагов оборвалась.

Переводя дух, Катя остановилась над местом, где узкие отпечатки женских ног пересекал двухполосный след машины, за ним снег так и остался нетронутым. Катя походила вдоль тротуара, но ни крови, ни сбитого тела она не увидела, и вынуждена была оставить погоню.

Она снова подняла голову и огляделась. Снегопад прекратился, и пелена туч прорвалась. Двор показался ей незнакомым, но, приглядевшись, она узнала заднюю стену детсадовского корпуса.

Днем здесь играла малышня, зато поздно вечером и ночью он был необитаем.

Детская площадка застыла в лучах прожекторов. Вокруг, словно в тёмном зрительном зале, не было никого. Будто кто-то зажег огни и ушёл. Протиснувшись между прутьями, Катя осторожно ступила в освещенный круг из темноты. Никто не окликнул ее. Она вышла в центр круга и медленно обернулась вокруг своей оси. Только провалы в снегу, там, где она прошла только что, нарушали нетронутость нового зимнего покрова. Катя сделала несколько огромных прыжков, призванных обмануть возможных преследователей, раскрутилась как можно сильнее и наконец, потеряв равновесие, раскинула руки и рухнула на спину. Снег лишь слегка прикрыл землю, и Катя больно ушибла локоть, но не заплакала.

Перед глазами кружились ветви деревьев, тёмное небо и козырек беседки. Она тихо лежала в снегу, пока небо с мелкими, теперь уже зимними, звездами ни встало на место.

Без Бандита даже охота не была такой весёлой. Катя поднялась на ноги и побрела к дому.

Приоткрыв скрипучую дверь подъезда, Катя тихо спросила у темноты:

– Бандит?

Свет на лестнице не горел.

Бандит был, собственно, не её собакой, он был псом дворничихи, которая жила здесь, в крайнем подъезде; но дворничиха часто пила, и Бандит жил вольной жизнью. Катя замерла в проёме двери, боясь в ответ услышать из темноты чей-нибудь смех или ругань. Но ответом ей был лишь свист ветра сквозь щели оконных рам. Она аккуратно закрыла дверь.

Уже и подросшее кошачье семейство показалось из подвального окошка.

Катя распласталась на наклонном кривом стволе старого клёна и прижалась щекой к промороженной коре. Кошки бродили под деревом. Они родились летом и теперь, почти взрослые, с некоторой опаской исследовали этот новый белый мир. Жаль, что кошки эти негодились ей в товарищи.

Катя вглядывалась в темноту двора. Но Бандита, её Серого Брата, не было.

Казалось, жизнь в Катином теле тоже замедлилась, приравливаясь к остановившемуся на зиму движению соков в

теле дерева. Она тоже теперь была кошкой, или вовсе просто наростом на стволе.

Ноги Кати давно промокли и постепенно начали стынуть. Зябкая дрожь понемногу пробиралась под одежду. В ней жили только глаза, и они, наверное, так же светились в темноте, как и кошачьи. Даже редкие прохожие не всегда замечали её на этом дереве, проходя в каких-нибудь двух шагах.

Мать она узнала ещё издалека и нехотя спрыгнула на землю.

Та шла грузно, согнувшись под тяжестью сумок и пакетов. Катя потянула за ручку пакет, что казался тяжелее остальных.

– Оставь, – раздраженно отмахнулась мать и подтолкнула её в раскрытую дверь подъезда.

– Ты уроки сделала? – спросила она, отпирая замок и вваливаясь с сумками в тесную прихожую.

– Угу, – ответила Катя, щурясь на слишком яркий свет.

– Отец тебя покормил? Ты ела?

– Ага.

Катя стянула с себя отяжелевшую куртку, заснеженную шапку и долго-долго стаскивала промокшие сапоги, разбухшие и покорёженные от сырости.

Мать прошла в кухню.

– Опять ты читаешь это? Ты наизусть её ещё не знаешь?! – Мать подняла с подоконника потрёпанную книжку и раздраженно швырнула на стол.

– Не знаю.

– Что ты бормочешь? Говори громче!

– Я говорю – не знаю.

– Почитала бы что-нибудь другое, мало, что ли, книг от деда осталось?.. И так уже в зверёныша превратилась... Ты уроки делала?

– Ты уже спрашивала, – Катя осторожно подобрала книжку со стола и скрылась в своем углу за шкафом. За её спиной, не просыпаясь, пьяно заворчал и заворочался отец, реагируя на включенный свет.

– Подъём, – устало сказала ему мать, трясая за плечо. – Стелить надо!

Зазвенели бутылки.

Катя положила книжку на стул, поближе к кровати, словно боясь, что её может вовремя не оказаться под рукой. Она читала её миллион раз, и только конец в этой книге ей не нравился. И те страницы, где звереныш становился человеком, так и остались белее остальных.

Баба Яга в тылу врага

Видимо, далекие девяностые были временем духовных исканий для Лилиной семьи. Из раннего детства Лиля помнила, как во время телетрансляций Кашпировского мать расставляла перед экраном телевизора тюбики с кремом и зелёные, полные воды, трёхлитровые банки. Кашпировский протягивал к ним руки из-за вздутого телевизионного стекла и шевелил пальцами. А потом Кашпировский исчез, и, с лёгкой подачи какой-то знакомой, они с мамой стали ездить в храм.

Храм был тёмный, и от камней внутри несло холодом. На своей первой вечерней службе Лиля стояла за колонной и смотрела издалека на приходских детей, жадно впитывая всё: как они были одеты, как вели себя. Девочки держались немного манерно, подражая взрослым, поправляли выбившиеся из-под платка волосы, и носили длинные юбки. Никто в её школе так не одевался, но чем больше Лиля смотрела на этих девочек, тем круче они ей казались.

Занятиям в воскресной школе поначалу мешала изостудия, но вскоре Лиле разрешили бросить художку. Видимо, в мрачном межвременьи девяностых людям казалось, что всё земное в любом случае доживает последние дни.

Лилин детский духовник ещё и теперь помнил её. Он и «благословил» её работать в детском психоневрологическом

интернате вместе с сёстрами милосердия.

С тех пор платки и юбки вернулись в её жизнь.

С утра падал снег, но к середине дня потеплело, и снег сменился дождем, который барабанил и барабанил по подоконнику игровой комнаты, отдаваясь в Лилиной голове. Её друзья-приятели тоже не веселились сегодня. Расползлись по разным углам и занимались своими делами. Маська, трехлетний дауночек, жевала рукав своего нарядного платьица, в которое её с утра вырядили нянечки. Дэцэпэшник Ванька Соколов вел себя непривычно тихо и, предоставленный самому себе, трудился над занавесками. Заметив, что Лилия наблюдает за ним, Ванька поднял голову, зафиксировал на ней взгляд и ухмыльнулся.

– Не смешно, – сказала Лилия и за руки отволокла его подалее от окна. – Тут лежи! – грозно сдвинув брови, добавила она.

Ванька, оценив шутку, хмыкнул и немедленно, ползком, волоча за собой ноги, отправился в обратный путь.

Лилия опустилась на покрытый матами пол, прислонилась спиной к огромному кожаному мячу и закрыла глаза. Голова начала болеть ещё утром, и теперь боль пульсировала в висках, чудовищно вспухала где-то позади глазных яблок.

Пусть сегодня занимаются, чем хотят. Пусть Маська дождет своё платье. Лилия сползла ещё ниже, прикрыла ноги длинной юбкой и подложила под щеку локоть. Пусть Ванька порвет занавески на лоскуты.

От рук едко и удушливо пахло детским кремом, тальком и памперсами. Она вытащила из кармана телефон, завела будильник и провалилась в сон.

Будильник прозвонил ровно через пятнадцать минут, вырывая её из забытья. Она вскинула голову и огляделась. Игровая комната с белыми стенами, белыми матами на полу и сквозняками качнулась и встала на своё место.

Маська, видимо, устав сидеть, опрокинулась на спину и болтала в воздухе ногами. Из обеих её ноздрей свисали сопля. Ванька, увидев, что Лиля проснулась, оторвался от занавесок и протянул в её сторону руку, как обычно делал, когда здоровался.

Всё было нормально. Лиля перевела дух и помахала Ваньке в ответ.

– Уже виделись, – пробормотала она.

Она подошла к Маше и вытерла ей нос. Потом сняла с пластмассовой горки свой халат и отправилась за коляской.

Едва выехав в коридор, она услышала дребезжание раздаточной тележки. Значит, уже развозили обед.

Лиля выгрузила Соколова в его изодранный манеж и занялась теми, кого сестры в последние несколько месяцев пытались научить орудовать ложкой.

– Не таскай одна, они же тяжеленные все, – крикнула ей одна из нянек, но Лиля только махнула рукой.

Она рассадилась "ложечников" за столики и залюбовалась

своей работой. Картинка из будней образцового детского сада: умытые детки в слюнявчиках ждут обеда и стучат ложками по столу.

Однако не прошло и трех минут, как идиллическая картинка затрещала по швам. Обед запаздывал, и плохо зафиксированная Кристина сползла со стула и лежала подбородком на столе, собираясь зареветь. Салфетка Наташки Рошташ валялась на полу. Черноглазая Наташка с интересом наблюдала за Лилей, ожидая её реакции, и, как всегда, Лиле показалось, что та всё понимает. Но это была только иллюзия, Лиля видела Наташкину карту, где одним из диагнозов значилась идиотия.

– Что, Рошташка? Хулиганишь? – прогремела над ней Галя, нянечка.

Она сунула Наташке под нос огромный, почти мужской, кулак.

Наташка захихикала, обнажая беззубые десны.

Галя походя, одним рывком подняла Кристину с пола и водрузила ее обратно на стул.

– Испортили они тебе всю красоту? – посочувствовала Лиле вторая нянька.

Лиля вымученно улыбнулась.

Перед глазамиплыли красные круги, и она несколько раз едва удерживалась от того, чтобы бросить всё и сбежать, куда глаза глядят.

За обедом даунонок Петя Никифоров, как всегда, швы-

рвался ложкой. Нырря за ней под стол, Лиля чуть не провонила тарелку, ловко запущенную Петькой по той же траектории. Совсем как в первый день работы здесь, когда она соскребала утреннюю кашу с ковролина.

– Петя, блин, – прошипела она и сама поразилась желанию треснуть как следует противного мальчишку. Петя скорчил ей рожу и засмеялся. Он тоже, как и Наташка, был весельчаком.

До сестринской комнаты Лиля еле дотащилась. Но едва она упала на диван, как в замке заскрежетали ключи.

С огромными пакетами из Ашана в дверь протиснулась Света, старшая среди сестер.

– Что, дождь на улице? – пробормотала Лиля с трудом принимая сидячее положение и перегибаясь через подлокотник дивана за сумкой.

– Ну да, морось какая-то... Как тут все? – поинтересовалась старшая, разгружая продукты и загромождая ими стол и холодильник.

Лиля вскрыла упаковку и выдавила на ладонь две таблетки «Анальгина». Закинув их в рот и запив водой, она дежурно выложила новости.

– Петя Никифоров попытался швырнуть у меня тарелку, но быстро вспомнил, с кем имеет дело. Потом соизволил отобедать. Ленился, правда, – все знали, что Петька у Светы любимчик, и охотно потчевали Свету историями про него. – Манька, кажется, болеет...

– Ты себя плохо чувствуешь? – Света кивнула на пустой стакан.

– Да нет, так, голова немного...

Лиле замолчала и посмотрела на старшую. Почему-то ей показалось, что Света выглядит сейчас слегка виноватой.

– Слушай, спасибо, что согласилась работать сегодня, – остановившись посреди комнаты, проговорила та.

– Да ничего, – ответила Лиля и только пару секунд спустя поняла, о чем та говорила. Ну да, Страстной Четверг. Она вздохнула и грустно ей улыбнулась.

– Ну, кому-то же надо...

Света благодарно кивнула.

– Ну ладно, я побегу, – сказала она, собирая опустевшие сумки. – Мне ещё домой нужно перед службой заскочить....

Ожидая, пока Света уйдет, Лиля раскрыла сестринский журнал. Писать особо было не о чем. Она перелистнула страницы и открыла последнюю. Последний лист в журнале вечно был разрисован, несмотря на Светино ворчание. Улыбающаяся до ушей медсестра смутно кого-то напоминала – рисунок, видимо, был портретом с натуры. А белый платок с крестом не оставлял сомнений в профессии изображаемой.

К тому времени, как в двенадцать лет Лиля бросила воскресную школу и перестала ходить на службы, почти все её новые подружки уже собирались в будущем стать сёстрами милосердия. Кто бы мог подумать, что и она всё-таки окажется среди них.

За старшей хлопнула дверь, и Лиля, отложив журнал, снова закрыла глаза.

К концу тихого часа таблетки наконец подействовали, и головная боль отпустила. Улыбаясь Лиля вошла в бокс и остановилась на пороге.

– Все болеют, Лиль, – заметив её, сказала нянечка. – Даже и не знаю, кого ты возьмешь.

Лиля уперла руки в боки и обвела глазами бокс.

– Соколова тогда опять? – вздохнула она.

– Бери, – отозвалась нянька.

– Ваня? – громко сказала Лиля, выходя в центр бокса, как на сцену.

Ванька Соколов поднял голову в своем манеже и замер.

– Кажется, сегодня твой день! – со вздохом объявила она.

Одевать Ваньку, охваченного бурной радостью, было делом не простым, но привычным. У каждой из сестёр были здесь свои любимчики. Ванька Соколов не был ничьим любимцем. Он всё рвал, и был уже слишком большой, через год его должны были перевести во взрослый интернат.

Но Лиле он нравился. Наверное, тем, что никогда не плакал. Он был стойким парнем.

Лиля выкатила коляску с Ванькой на крыльцо и стянула с головы косынку. Другие боксы еще не вышли на прогулку, и притворяться было не перед кем.

Дождь прекратился, деревья в оттаявшем парке чернели мокрыми стволами. Было пасмурно и тихо. Медленно при-

ближались сумерки.

Совсем скоро, в пять часов, во всех храмах должны были начать читать Двенадцать Евангелий. Был Страстной Четверг и все в этот вечер должны были быть на службе. За работу в такой день Света её и благодарила.

Лиля сделала круг по территории и съехала на оттаявшую дорожку в парк.

Глухо скрипели, качаясь на ветру, старые березы.

– Что, Соколов, не боишься? – усмехнулась она, наклоняясь к Ваньке. – Может, с ветерком?

Ванька заёрзал в коляске, услышав её голос и наконец, сумев развернуться, довольно хмыкнул.

– Я так и думала, что ты не против, – посмеялась Лиля.

Коляска подпрыгивала на ухабах и тряслась, комья грязи летели из-под колес, но Ванька только повизгивал от восторга. Что ни говори, а он был хороший товарищ. Наконец Лиля запыхалась, сбавила скорость и пошла шагом, улыбаясь и вдыхая пахнувший землёй весенний воздух. Она не спешила вернуться в бокс. Кажется, и Соколов не спешил туда вернуться. В этом они всегда были солидарны. И лишь когда совсем стемнело, и во всех корпусах зажглись огни, Лиля направила коляску к пандусу.

– Ну и грязные же мы с тобой, – пробормотала она. – Сейчас кому-то влетит, если как следует не отмоемся.

Лиля завезла коляску в ванную и открыла воду. Ванька в

своём манеже, в боксе, наверняка уже с нетерпением ждал тележку с ужином. Отчищая Ванькин комбинезон от грязи, Лиля думала о том, что приходит сюда, в интернат, едва ли не каждый день вот уже год, но так и не научилась чувствовать себя одной из сестёр. Иногда во время послеобеденных прогулок с детьми она останавливалась у ограды и подолгу смотрела, как за забором ездят машины и свободно ходят люди. И чувствовала, будто с этими безнадежно больными детьми заперли здесь и её.

После ужина её смена заканчивалась. Лиля вышла за проходную и побрела к метро, чувствуя, что, пусть ненадолго, но всё закончилось. Она не была больше ни терпеливой, ни уравновешенной, ни милосердной. Наверное, она не была даже христианкой, потому что не собиралась идти на службу ни завтра, ни даже, наверное, на Пасху. Она была просто усталой. И это было хорошо.

Необязательный улов

В последний день перед отъездом Машка с утра напялила на себя это нелепое платье. Оно было каким-то старомодным, с отложным воротничком, только что нафталином не пахло, и вовсе ей не шло.

Она шагала теперь, гремя крупной галькой, вдоль самой прибойной линии, отмеченной слизью и вынесенными на берег водорослями. Временами Машка наклонялась и, подобрав круглый гладкий голыш, швыряла его в воду, но камни улетали недалеко и плюхались в море в нескольких метрах от берега.

Андрей молча брёл за ней по склону, но к морю не спускался. С самого утра он чувствовал себя простывшим, и к воде его не тянуло.

Ветер до рассвета надул над морем тучи, и солнце временами пропадало, гася и вмиг сводя на нет тени, а затем вспыхивало снова. Под ногами хрустела выжженная трава, и залпами сухих искр врассыпную выстреливали кузнечики.

Машка за что-то на него дулась, но это случалось с ней часто, и сейчас он чувствовал себя слишком разбитым, чтобы выяснять, в чём дело.

Наконец Машка поднялась к нему и, переводя дух, села на землю.

– Что, если я беременна? – спросила она вдруг.

Машка смотрела на него пристально, как-то изучающе, что ли, и он совсем растерялся под этим взглядом. Из носа у него текло, и он поспешно вытащил мятый и грязноватый платок. Высморкавшись, но не получив от этого облегчения, он снова поднял на неё глаза. В носу щипало от пыли, скопившейся в платке, и он как нельзя не к месту два раза чихнул.

Теперь Машкино лицо выглядело злым.

– Ты серьезно? – поспешно пробормотал он. – То есть... Ты уверена?

– Нет, блин! – Машка резко откинула с лица волосы. – Хотя, с тех пор, как твоя мать отказалась выслать нам денег...

Андрей пораженно уставился на неё.

– При чем здесь мать?..

– Гондоны давно в глаза видел? – перебила его Машка.

– Ну... Я вроде всегда успевал... А что у тебя?.. У тебя же, вроде... Вроде, рано ещё?..

Машка покосилась на него с недоверием и чем-то похожим на брезгливость.

– О Господи! Ты что, дни считаешь?.. Как физрук! Наш тоже всегда знает, когда у кого месячные. Вечно: «У тебя в этом месяце уже два раза были!..» Придурок...

Машка скорчила гримасу. Потом задумалась.

– Ну вот сколько мы здесь? Месяц?

– Дней двадцать...

– Ну пусть двадцать, да еще дней десять там. Вот и смотри...

Она принялась считать, загибая пальцы.

– Уже несколько дней, как должны!.. – заключила она.

– Ты уверена? – еще раз повторил Андрей и почувствовал себя ослом.

– А что, если да? – Машка вдруг взорвалась. – Что, если да?

Андрей сглотнул слюну. Он изо всех сил старался теперь встретить новость как мужчина. В конце концов, Машку он любил. И когда-нибудь, пусть и очень нескоро, это всё равно бы случилось. Где-то в глубине таилась к тому же мысль о маме, которая, конечно же, поможет. Не оставит же она своего собственного внука. И эта мысль поддержала его, как ничто другое. Андрей вздохнул и почесал подбородок уже спокойнее. Пожалел, что щетина растет так неохотно.

– Ну, значит, заведем спиногрыза, – сказал он и покровительственно обнял её за плечи. И тут же подумал, что, кажется, голос прозвучал твёрдо, как надо.

Машка смотрела на него недоверчиво, словно ожидала совсем другой реакции. И он весь раздулся от гордости. Ему стало почти весело.

– А что, моя мать мечтает о внуках! Она, правда, скажет: "Съездил к морю, блин. Привез улов!" Но всё равно обрадуется, – Андрей рассмеялся. Потом снова достал платок и высморкался.

Машка задумчиво покачала головой.

– А мои будут в ужасе...

– Но обрадуются же?

– На самом деле – нет. Реально – придут в ужас, – она хихикнула. – Ну да и ладно...

Когда они снова добрались до пляжа, была уже ночь. Машка, в его футболке, облитой вином, повисла у него на руке, и смеялась не переставая.

Такой она нравилась Андрею, пожалуй, больше всего, и потому он никогда не мешал ей пить. Он, правда, подумал сегодня, что ей, может быть, теперь пить и не стоило. Но она так уверенно говорила о женщинах "в её положении", и, в конце концов, из них двоих на медика училась она, так что Андрей совсем успокоился.

С моря подул ветер, заставив Андрея поёжиться.

– Мне кажется, что дубак? – спросил он.

– Какой дубак?! Смотри не зарази меня, папочка, – хрипло и пьяно захохотала Машка, – Весь улов потравишь.

Андрей засмеялся. Он чувствовал себя весёлым и бесстрашным, как человек, уже прыгнувший в пропасть. В который уже раз за вечер, он спикировал к Машкиным ногам и чмокнул ее в мягкий, чуть выпуклый животик.

– О Господи, хватит! Там нет ещё ничего, кроме лишнего жира. Он сейчас ещё во-от такой, – Машка, прищурившись, почти сомкнула большой и указательный пальцы, показывая

размер кого-то, не больше песчинки. И стала раздеваться.

– Пойдешь со мной? – спросила она.

Андрей посмотрел на море, с рокотом накатывающее на замусоренный песок и камни пляжа. Оно было чёрным и непроглядным, и Андрей снова подумал, что лучше бы не пускать теперь Машку в воду одну. Но думать о холодной воде было неприятно. Уже несколько часов, как к насморку прибавилось донельзя мерзкое першение в носоглотке, и от одной мысли оказаться сейчас в ледяной склизкой воде, он почувствовал озноб и застегнул ветровку до горла.

– Может, не надо? – без особой надежды спросил он.

– Ладно, раз ты не хочешь, – легко согласилась Машка и засмеялась снова, так что Андрей подумал было с удивлением, что Машка в кои-то веки послушалась его.

Машка скинула шлепанцы и обернулась к нему через плечо.

– Что тебе принести из моря? – спросила она с вызовом.

– Себя обратно принеси, – грустно ответил он и уселся на песок рядом с её вещами.

Она кивнула и, танцуя от боли по острым камням, направилась пирсу.

Он видел, как мелькнули в разреженной темноте её молочно-белые ноги, и следом услышал одинокий всплеск.

Удар о воду оказался жёстче, чем она ожидала. На секунду острая боль стрельнула от живота к спине, так что Маша

едва не вдохнула под водой. В окружающей тьме забурлили пузыри, и на секунду она перестала понимать, где поверхность. Потом, в состоянии, близком к панике, она дёрнулась следом за пузырьками и всплыла, судорожно втягивая воздух и отплёвываясь. Отдышавшись, она пошевелила пальцами ног. Боли она не почувствовала, и потому успокоилась и поплыла.

Она плыла от берега туда, где абсолютная чернота неба неразлично переходила в непроницаемую для света бездну моря. Вода тихо плескалась вдоль ее рук и около лица, и только по этому плеску она понимала, что в воде.

Последние отголоски какой-то хмельной суетливой радости, каких-то праздников и тостов, будто смыло с неё, и она прониклась ощущением космической пустоты и одиночества, странно успокоивших её. Когда она наконец обернулась, то не сразу смогла найти берег, белеющий тонкой полоской камней и песка вдали.

Она отдышалась, пугаясь оглушительных хриплых звуков своего дыхания, и поплыла обратно, всматриваясь в берег и чувствуя ноющую боль в шее от необходимости держать голову над водой. Берег, казалось, не приближался. Огромное и непобедимо-сильное море, казалось, не хотело отпускать её, уносило невидимыми глазу течениями.

На камни она выбралась совсем без сил.

В эту ночь Машка заснула, так и не одевшись, и не перебравшись обратно на свою кровать, как делала почти всегда.

Андрея мучила боль в горле и ломота во всем теле. Под легкой простыней его знобило, хотя эта ночь ничем не отличалась от прочих душных южных ночей. Он хотел встать и заварить себе горячего чая, но ему стало жаль будить Машку и того, другого, который тоже спал в ней сейчас.

Он плотнее завернулся в простыню и осторожно, чтобы Машка не проснулась, притёрся к её горячей спине. Он лежал, с трудом сглатывая слюну, обдирающую раздражённое воспалённое горло, пока наконец не заснул.

Проснулся он от того, Машка рядом ворочалась и чуть постанывала от боли. Он приподнялся на локте. Через занавеску в дверном проеме был виден рассвет. А потом он увидел пятна.

Андрей испуганно вскочил и устался на простыни, растирая лицо руками.

Машка, не глядя на него, вылезла из постели и, стянув с кровати пододеяльник, завернулась до самого подбородка.

– Сам простыни постираешь, – сказала она бесцветно.

За ней качнулась занавеска, и снаружи послышался хруст гравия и сухой стук обуви без задников по сухим, прокаленным за лето плитам дорожки.

Машка долго не возвращалась, и Андрей пошел за ней следом к душевой кабинке в глубине сада. Он слышал, как она возится там, но, сколько ни стучал, Машка дверь не открыла.

Он побрел к умывальникам и ополоснул лицо холодной

водой. Горло всё ещё немного першило, но насморк, кажется, проходил.

Вдоль тропинки цвели розы, и пахли в зарождающемся зное нового дня сладко и удушливо. Он подставил скомканные простыни под струю. Красноватая вода стекала струйками в обитую чугунную раковину и уходила в отверстие слива. Дребезжание язычка умывальника и стук капель по раковине громом раздавались во дворе ещё не проснувшегося дома. Пятна расплылись, только немного посветлев, превратились в розовые и размылись, оставив контуры по краям. Теперь, наверное, можно будет, при желании, принять пятна за винные.

Кинув комок простыней в комнате, Андрей вытащил на дорожку собранные ещё накануне чемоданы и уселся ждать рядом с ними. Небо было неясное, маревное, молочно-розовое. Чемоданное утро.

Машки долго не было. Потом она появилась на дорожке уже одетая, бледная, с посеревшим лицом. Когда она успела одеться? – поразился он. Потом взгляделся в её лицо. Утренняя зябковатость и бессонница, превращающая загорелые лица в серые и измождённые, делали Машкино лицо одутловатым, обозначив мешки под глазами. Машка совсем не показалась ему красивой сейчас, и он почувствовал перед ней смутную вину за это.

Он встал, чтобы обнять её, но Машка отстранилась.

Она села на чемодан. Словно озябнув, обняла себя руками.

– Ты знаешь,.. – сказала она и замолчала.

– Что?

– Да не знаю я... То!.. – взорвалась она. – То ли мы просрали... его, то ли... не знаю!

Андрей молчал, стараясь придумать что-нибудь, но ничего не приходило ему в голову. Он потер рукой вялое заспанное лицо и взъерошил волосы.

– А может, это месячные?.. – наконец спросил он.

Машка медленно и криво усмехнулась.

– Думай, как тебе больше нравится.

Она встала и потянула за ручку чемодана.

– Хорош улов!.. – она посмотрела на простыни, валяющиеся у двери, и вдруг хрипло рассмеялась.

Андрея покорило от её смеха.

– Что? – спросил он.

– Да ничё... Я подумала: хорошо, хоть труп прятать не надо...

Она засмеялась снова, и Андрею почему-то стало неприятно находиться рядом с ней.

Его взгляд упал на Машкины коленки, тёмные от загара, в свежих розоватых царапинах от камней. Коленки были знакомые, не то что Машкино новое, постаревшее лицо. Именно постаревшее, вдруг подумал он с каким-то мстительным чувством. И ему почему-то захотелось плакать.

Автобус трясло и заносило на резких поворотах дороги.

За окном мелькали выжженные поля, и давно уже не было видно ни гор, ни моря.

Маша заснула и проснулась от ощущения липкой, горячей влаги между ног. Она резко дернулась и проверила рукой шорты и сиденье под собой.

– Сколько времени? – спросила она.

Андрей неохотно вздернул руку и посмотрел на часы.

– Половина первого.

Машка поёрзала на сиденье и беспокойно оглянулась.

Солнце палило сквозь стекла автобуса. Большинство пассажиров спали.

– Ты чего? – спросил Андрей.

– Ничего.

– Машка?

– Да блин... Я щас протеку. А нам ещё полчаса ехать...

Лучше бы с рожденья менопауза, – проворчала она.

– Думаешь, все-таки месячные? – с надеждой спросил он.

Машка наморщила лоб.

– Кто их разберёт, эти сгустки...

Андрей взял её руку и сжал.

– Ничего, если протечёшь, забежишь в туалет, я тебе шорты свои дам. Не ссы, лягуха, болото наше, – добавил он и улыбнулся.

И улыбнулся как-то так, что она поверила – все будет хо-

рошо.

Однолётки

Спать их уложили в разных машинах.

Артём скрючился на сиденьях одной из фур: при свете дня он не успел её рассмотреть, но в свете горящих фар и вспыхивающих огоньков зажигалок она показалась ему красной.

Галка провела ночь в Камазе.

Артёма мучила бессонница, он возился и ворочался, и, как только за стеклами кабины забрезжил рассвет, сел на сидении и выглянул в окно.

Через запотевшее за ночь стекло Артем видел, как вскоре из кабины КамАЗа показался водитель. Он спрыгнул на землю и сладко потянулся. Галка вылезла следом, достала зеркала и заново подвела размазавшиеся глаза.

Край неба едва розовел, но было почти светло. Фуры непроснувшимися чудовищами толпились на огромном асфальтированном пустыре. От самой проволочной сетки и до горизонта тянулись за забором молодые березовые посадки. Будто на месте давних гарей.

Галка засунула руки поглубже в карманы ветровки, оттянув её пузырем на животе, и зашагала между рядами фур. Голые ноги зябли на утреннем ветерке. Она дрожала и опасно поглядывала на кабины фур, стремясь быстрее преодолеть расстояние до угла огромной стоянки, где виднелись за-бегаловка и туалет.

Когда она вернулась, отряхивая капли воды с влажных волос, Артём уже был внизу. Растерянно чесал затылок, моргал и щурился. Очки свои он случайно разбил ещё под Чебоксарами и без них почти всегда теперь выглядел растерянно.

– Ну как ты? – спросила она, подходя ближе.

– Ничего. А ты?

Она нервно улыбнулась и пожала плечами.

– Нормально. Он сказал, что может довезти нас до Омска.

Поедем?

И она, и Артем невольно оглянулись на водителя, с фырканьем обливающегося из канистры. Его незагорелое тело белело в молочном утреннем свете.

Накануне они сели в его машину уже в сумерках, затопивших окрестные перелески и трассу на Казань.

Камаз, казалось, пролетевший мимо, резко съехал на обочину. Галка подбежала, глотая поднявшуюся за ним пыль, и, взобравшись на подножку, не переводя дыхания, выпалила:

– Привет. До Казани возьмете?

Водитель медленно, как во сне, кивнул.

Галка, вися на подножке, оглянулась на рюкзаки, темневшие на обочине, и на спешащего из перелеска Артема.

– Но я не одна. Возьмете двоих?

Водитель кивнул снова. На неё из глубины кабины смотрели его внимательные глаза. Она улыбнулась и радостно помахала Тёмке.

Это был двадцать-какой-то по счету их водитель – Галка

давно сбилась и начинала уже забывать, кто подвозил их под Владимиром, а кто – под Чебоксарами, и с какого именно водителя они с Тёмкой начали представляться нижегородцами. Парню и девчонке из Нижнего Новгорода и в самом деле ехать стало проще. Впрочем, подвозили их в основном местные, и продвигались на восток они слишком медленно.

Дальнобойщики либо вообще не останавливались на них взглядом, либо на пальцах показывали, что возьмут одного. Эта фура была первой, что остановилась на их призыв, и Галка гордилась тем, что именно она «стопанула» её.

К стоянке под Казанью подъехали уже ночью. В свете фар на капоте вскрывали ножами консервные банки, из кружек, облепленных веточками и чёрной гарью костров, пили чай и глотали какую-то буроватую крепкую дрянь, плеснутую им из бутылки кем-то из водителей. Галка отливала свою порцию Артёму, боясь пьянеть в темноте на этой чужой, кишашей фурами стоянке – разрезанной огнями фар, смехом, гоготом и матом шофёров. Но и от той пары глотков, что она сделала, в голове у неё шумело.

Налетел утренний ветер, и Галка вздрогнула, плотнее кутаясь в куртку. Артём растерянно переступал с ноги на ногу, как слон. Или жираф. И смотрел под ноги.

– А ты как думаешь? Ехать? – наконец спросил он.

Галка ещё раз взглянула на водителя и отвела глаза.

– Ну все-таки до самого Омска... Сколько мы ещё будем так до него добираться?..

– Ну тогда поедем?..

– Поедем, – Галка передёрнула плечами.

Вчерашняя стоянка выглядела теперь обманчиво мирной, но Галке не терпелось уехать отсюда. Кое-кто из водителей уже заводил мотор, по-утреннему хмуро глядя по сторонам, две или три фуры на их глазах вырулили со стоянки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.